

Слово редактора

ПРОБЛЕМА ЯДОВИТЫХ ПЛОДОВ СОЦИАЛИЗМА: УРОКИ МИШЕЛЯ ФУКО В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОГО ОПЫТА

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

Аннотация: *М. Фуко считал постоянной чертой современности страх перед государством и атомной угрозой: «Государство и атомная угроза, лучше уже атомная угроза, чем государство, или государство, которое не лучше атомной угрозы, или государство, предполагающее атомную угрозу, или атомная угроза, предполагающая и с необходимостью влекущая за собой государство». Иначе говоря, французский мыслитель указал пять комбинаций страха перед государством, в составе которого после бомбардировок Хиросимы и Нагасаки находится также атомная угроза.*

Для анализа данных комбинаций Фуко разработал концепты поступательной этатизации и коммерческой этатизации. Поступательная этатизация – это восприятие и определение государства как следствия режима руководства. Согласно Фуко, поступательная этатизация предполагает анализ государства как следствия режима руководства – при одновременном исключении эссенциалистской и органической метафорики. У государства нет сущности, сердца и прочих внутренних органов, оно не является ни универсалией, ни автономным источником власти. Государство – это эффект, контур, подвижный срез постоянной этатизации, непрерывных взаимодействий, которые изменяют источники и способы финансирования и инвестирования, центры принятия решения, формы и типы контроля, отношения между местными властями и центральной властью и т. п. Коммерческая этатизация – это современная разновидность закрытого корпоративного государства.

Оба концепта вводятся для критики государственного управления на протяжении трехсот лет (XVIII–XX вв.). Фуко полагал, что это управление не смогло решить проблемы отношения между законом и порядком, государством и гражданским обществом, политикой и жизнью.

В статье поставлена проблема систематизации параллелей между результатами исследований М. Фуко, творчеством А.И. Солженицына и историографической рефлексией М.Я. Гефтера при объяснении причин такого положения вещей.

Ключевые слова: ядовитые плоды социализма, концепции М. Фуко, А.И. Солженицын, М.Я. Гефтер.

Что такое «злосчастный симбиоз»?

Фуко считает причинами бездарного управления государством общие свойства либерализма. На словах либералы отвергают управляемую экономику, планирование и государственное принуждение. На деле они культивируют политическую софистику, образцы которой (речь Эрхарда в апреле 1948 г. и материалы съезда СДПГ в Бад Годесберге 1959 г.) анализирует Фуко. В первом случае проблема объяснения нацизма была сведена к определению национал-социалистического государства в Германии как нелегитимного. Из этого Эрхард извлекал следствие: немцы не отвечают за законодательные и нормативные акции нацизма. Во втором случае акцент на производство благосостояния за счет роста экономики ведет к полному включению населения в систему существующего политического режима.

Оба следствия Фуко отвергает. Его позиция однозначна: все немцы несут ответственность за нацизм; любое отождествление населения страны с существующим в ней политическим режимом подлежит критике. Для этого Фуко подчеркивает тождество социализма и либерализма: «Социализм не является альтернативой либерализма. Он не принадлежит к тому же уровню, даже если и существуют уровни, на которых они сталкиваются или на которых они не составляют общего ансамбля. Отсюда возможность их злосчастливого симбиоза» [Фуко 2010: 122].

По поводу данного симбиоза Фуко высказал ряд констатаций: социализму не хватает правительственного мышления; главным критерием социализма во время его генезиса была разумная мера степени, способов и целей правительственных действий; практика показала, что социализм сохраняет рациональные техники административного вмешательства в сферах здравоохранения, социального обеспечения и пр.; но никакой особой социалистической правительственной рациональности не существует; социализм всегда функционирует в полицейском государстве, в котором политическое руководство и администрация образуют целостность, составляя массивный блок; в таком государстве социализм функционирует как внутренняя логика бюрократии.

Из этих констатаций вытекают два принципиальных вывода: социализм не бывает подлинным, он целиком зависит от случая; поэтому проблема выявления и описания ядовитых плодов социализма является центральной.

Рассмотрим аргументы Фуко в пользу такого вывода, которые содержатся в его лекциях 31 января, 7 и 14 февраля 1979 г.

По его мнению, нацизм – это главный ядовитый плод симбиоза либерализма с социализмом. Для критики и ликвидации самой возможности такого «плодоношения» Фуко предлагает пересмотреть либерализм как экономическую теорию и как искусство управления. Эту идею он реализует на основе анализа германского и американского опыта решения проблемы совмещения легитимности государства со свободой экономики¹. В германском опыте он считает ключевым факт: нацизм находился в центре рефлексии Фрайбургской ордолиберальной школы и Франкфуртской школы социальных исследований с 1920-х гг. Фрайбургская школа для преодоления нацизма пыталась: обосновать легитимность государства на основе свободы экономических партнеров; определить нацизм как систему неизбежного зла; распределить имеющиеся в ее распоряжении концептуальные и технические ресурсы. Именно эти пункты обсуждает Фуко, группируя свои выводы вокруг следующих тем:

Предпосылки нацизма накапливались в Германии с середины XIX в. и создали систему препятствий либерализму, в состав которой входят: протекционизм Ф. Листа; государственный социализм Бисмарка; плановая централизованная экономика; дирижизм. Указанные эле-

¹ В данной статье рассматривается только германский опыт.

менты сложились до захвата власти нацистами и препятствовали либеральной политике. Нацизм соединил эти элементы в единое целое, привязанное к управлению экономикой.

Отсюда вытекают следующие утверждения Фуко: большинство людей с момента прихода Гитлера к власти считали экономическую систему нацизма чудовищной; ордолибералы считали нацизм продуктом государства, оказавшегося в кризисе [Там же: 143], а также полагали нацизм истиной в том смысле, в котором он разоблачил систему взаимозависимостей между указанными элементами; но нацизм не может служить аналитической моделью всеобщей истории и истории капитализма в Европе [Там же: 150].

Ордолибералы занимались поиском экономико-политического инварианта различных политических режимов (нацистская Германия, парламентская Англия, СССР, «новый курс» Рузвельта в США). Фуко детально описывает процесс этого поиска и заключает: нацистский опыт стал поворотным моментом для ордолибералов. Они установили, что нацизм есть экономический инвариант, индифферентный и независимый от оппозиции социализм/капитализм и конституционной организации государства; данный инвариант связан одновременно как причина и следствие с бесконечным ростом государственной власти; его основное следствие заключается в разрушении ткани социальной общности, поскольку вызывает цепную циклическую реакцию протекционизма, дирижистской экономики и роста государственной власти. В этом смысле рост государственного аппарата эквивалентен атомной угрозе.

На этой основе Фуко предлагает пересмотр проблемы рациональности. Он считает, что от Сен-Симона до нацизма развивалась такая *рациональность*, которая влекла за собой вмешательство государства в экономику и рост бюрократии, которая функционировала как тип технической рациональности. В ней сосредоточен генезис нацизма на протяжении двухвековой истории капитализма: «...ордолибералы подбросили хорошенький подарок, поскольку именно вслед за этим жанром исследования обрушился вал дискурсов и исследований...: традиционные критики буржуазного общества, исследования бюрократии; тема нацизма как разоблачения и последней точки в развитии исторической природы капитализма; негативная теология государства как абсолютного зла; возможность развертывания такой же критики происходящего в Советском Союзе и США, нацистских концентрационных лагерей и карточек социального обеспечения и т. п. ... Эта серия теоретических и аналитических актов насилия берет начало в ордолиберализме» [Там же: 150].

Но самое существенное, по мнению Фуко, сосредоточено в ордолиберальном следствии: все недостатки и изъяны рыночной экономики следует приписывать государству. А поскольку любое государство есть их носитель, надо сделать так, чтобы рыночная экономика стала принципом внутреннего регулирования существования и деятельности государства. Иначе говоря, государство должно существовать под надзором рынка, а не рынок под надзором государства.

Фуко считает, что такое переворачивание ордолибералы произвели на основе собственного анализа нацизма. По его мнению, следует согласиться с критикой и разоблачением всей системы разрушительных и вредоносных эффектов существования государства. Но на деле ордолибералы **стремились протащить всеобщую формализацию государственной власти и организацию общества на основе рыночной экономики.**

В заключение Фуко фиксирует три трансформации традиционного либерализма:

1. В либерализме XVIII в. рынок определялся как *свободный обмен* между партнерами, которые обменом устанавливают эквивалентность двух ценностей. Для ордолибералов сущность и экономическая рациональность рынка заключается в *конкуренции* и вытекающем из нее неравенстве.

2. Конкуренция как сущностная экономическая логика фактически никогда не достигается. Она предполагает политику бесконечной активизации. Конкуренция есть историческая

цель искусства управления, а не природная данность. Требуется *исторический анализ систем, пересекающийся с формальным анализом экономических процессов*.

3. Разрыв между конкурентной экономикой и государством *невозможен*. Надо исходить из переплетения рыночных механизмов и правительственной политики. Рыночная экономика – это индикатор общего индекса, под которым располагаются правила всех правительственных действий [Там же: 153–157].

На основе указанных трансформаций Фуко предлагает три определения современного либерализма: с экономической точки зрения – это реактивация старых экономических теорий; с социологической точки зрения – это средство утверждения рыночных отношений; с политической точки зрения – это прикрытие административного вмешательства государства, «генерализация государственной власти, то есть Солженицын в планетарном масштабе» [Там же: 170].

Массовая парша душ

Последнее замечание Фуко крайне важно, поскольку оно позволяет связать итоги его анализа с описанием ядовитых плодов социализма А.И. Солженицыным. Еще более значима квалификация Фуко «Архипелага ГУЛАГа» как универсального средства анализа процессов генерализации власти не только в СССР/России, но и во всем мире.

В каждой главе этого выдающегося литературного произведения² есть материал для описания множества хронологических, пространственных, географических, травелоговых, пенитенциарных, социальных, национальных, психологических, юридических, политических, идеологических, цивилизационных, бытовых и прочих проявлений страха перед государством как всеобщего феномена советского общества. В этом смысле «Архипелаг ГУЛАГ» можно считать литературно-художественной энциклопедией истории нравственно-духовного и государственного наследия советской эпохи.

Потребность в такой трактовке «Архипелага ГУЛАГа» объясняется множеством обстоятельств, из которых отмечу два момента: недостаточное знание содержания труда Нобелевского лауреата учителями и школьниками России [Сараскина 2024].

Создание компендиума знания о советском страхе на основе этого громадного материала образует особую задачу. Предлагаю лишь один фрагмент, основанный на содержании главы 3 из четвертой части.

В этой главе А.И. Солженицын поставил вопрос: поймут ли природу страны, которая десятками лет таскала в себе Архипелаг? По его мнению, «...наша страна постепенно вся была отравлена ядами Архипелага. И избудет ли их когда-нибудь – Бог весть». Для доказательства Солженицын ссылается на историю собственной опухоли и создает образ «замороженной воли» – постоянного совокупного страха в СССР как особого стиля советской жизни [Солженицын 2011: 771–784]³.

² Напомню, что капитальный труд А.И. Солженицына включает пространное предисловие (из 4-х параграфов), семь частей под названиями соответственно «Тюремная промышленность» (12 глав), «Вечное движение» (4 главы), «Истребительно-трудовые» (22 главы), «Душа и колючая проволока» (4 главы), «Каторга» (12 глав), «Ссылка» (7 глав), «Сталина нет» (3 главы) и послесловие с двумя дополнениями, кратким содержанием глав, списком тюремно-лагерных терминов и советских сокращений и выражений, именным указателем.

³ «Мне пришлось носить в себе опухоль с крупный мужской кулак. Эта опухоль выпятила и искривила мой живот, мешала мне есть, спать, я всегда знал о ней (хоть не составляла она и полупроцента моего тела, а Архипелаг в стране составлял процентов восемь). Но не тем была она ужасна, что давила и смещала смежные органы, страшнее всего было, что она испускала яды и отравляла всё тело. Сумеет ли и посмеет ли описать всю мерзость, в которой мы жили (недалёкую, впрочем, и от сегодняшней)? И если мерзость эту не полностью показывать, выходит сразу ложь. Оттого и считаю я, что в тридцатые, сороковые и пятидесятые годы литературы

Такой страх был не только страхом перед арестом, но и вырабатывал сознание каждым индивидом собственного ничтожества и отсутствия любого *права*. Этому способствовало прикрепление индивида к месту жительства и работы, что порождало скрытность и недоверчивость в поведении. Смелые высказывания вызывали подозрение в провокации. Поэтому любой протест был обречён на одиночество и отчуждение.

Всеобщее незнание ситуации в стране порождало веру населения в газеты и в казенных ораторов. Широкое распространение доносительства вело к тому, что каждый чувствовал на себе «дыхание осведомительных труб». Это преследовало две цели: ослабить связи между людьми; культивировать интерес в незыблемости политического режима с учетом страха доносчиков перед разоблачением.

Предательство стало наименее опасной формой существования. Это качество жизни и поведения индивидов в советском обществе Солженицын называет «массовой паршой душ», «раком души» и приводит примеры поступков академика С.И. Вавилова, писателей А.Н. Толстого, Л.М. Леонова, политика Г. Димитрова, маршала В.К. Блюхера, профессоров медицины Виноградова и Шерешевского, а также обычных людей. «Каждый поступок противодействия власти требовал мужества, не соразмерного с величиной поступка. Безопаснее было при Александре II хранить динамит, чем при Сталине приютить сироту врага народа» [Там же: 776].

В советском обществе душа народа умерла. Возникло всеобщее растрление. Неблагодарность стала будничным чувством. Жизнь общества состояла в социальной карьере предателей и торжестве бездарностей, а всё лучшее и честное шло под нож. Торжество низменных людей над благородными пронизывало всю властно-управленческую иерархию, центр и периферию.

Постоянная ложь стала единственной безопасной формой существования и основой жизни. В ее рамках Солженицын описывает наборы слов, фраз, кличек, шаблонов в составе речей, статей, книг – научных, публицистических, критических, художественных. Вся сфера публичного языка и воспитания детей были пропитаны ложью. Поэтому Александр Исаевич предлагает различать ступени «...вынужденной, оборонительной лжи – и лжи самозабвенной, страстной, какой больше всего отличались писатели» [Там же: 780].

Все отмеченные факторы выразились в тотальной жестокости, рабской психологии и далеко увели советский социум от нормального общества. Перечисленные характеристики относятся и к жителям Ростова-на-Дону: «В коммунальной ростовской квартире на Доломановском жила Вера Красуцкая, у которой в 1938 был арестован и погиб муж. Её соседка Анна Стольберг знала об этом – и восемнадцать лет! – с 1938 по 1956 – наслаждалась властью, пыталась угрозами: на кухне или подловив проход по коридору, она шипела Красуцкой: «Пока хочу – живи, а захочу – *карета* за тобой приедет». И только в 1956 году Красуцкая решилась написать жалобу прокурору. Стольберг смолкла. Но жили и дальше в одной квартире» [Там же: 782].

Социальная история Ростова-на-Дону освящена жителями в нем выдающегося писателя, вокруг жизни и творчества которого до сих пор ломаются копыта [Бушин 2018]. Во всяком случае пространственно-временная модификация общего советского страха в жизни Ростова-на-Дону поставлена в повестку дня нашим выдающимся земляком.

у нас не было. Потому что безо всей правды – не литература. Сегодня эту мерзость показывают в меру моды – обмолвкой, вставленной фразой, довеском, оттенком – и опять получается ложь» [Солженицын 2011: 771].

Комментарий историка

Фуко создавал свою концепцию страха перед государством в процессе анализа Италии и Германии. Надо скорректировать его взгляды с учетом социальной истории СССР/России. Оригинальную концепцию этой истории предложил М.Я. Гефтер – ровесник Солженицына и тоже выходец из Юга России. Из его наследства сошлюсь лишь на один фрагмент [Гефтер 2017: 147–161].

Михаил Яковлевич встраивает свою концепцию тоталитаризма в состав марксовской идеи отмирания государства и разработанной им концепции неостановленной революции. В этих рамках поставлены проблемы рождения революционного Левиафана, первичного и вторичного фашизма, признаков тоталитаризма, России как родины тоталитарности, советско-российских индивидов как атомов власти, советского миродержавия, недемократической человечности, науки как союзницы тоталитаризма, утраты границ государства и науки, бифуркационного фатализма, антиличностной направленности советской истории, специфики проявления трагичности в СССР.

Для развития концепции М.Я. Гефтера могут использоваться множество высказанных им аргументов. Прежде всего он объясняет причины критического отношения к идее отмирания государства. Сталин ухватил слабинку великой идеи. Когда Левиафан ради будущего отмирания стал всем, Сталин остановил процесс и закрепил его в таком состоянии. Окостенелым наружным панцирем по отношению ко всей жизнедеятельности страны. Поэтому Гефтер считает неразумным называть Россию государством.

Затем отмечается парадоксальность идеи отмирания государства. Гефтер считает европейский фашизм вторичным по отношению к процессам, происходящим в СССР. Его аргумент звучит так: когда фашизм в Италии едва наметился, Ленин на него отреагировал. В отличие от всего, что он говорил в 1919–1920 годах, и особенно в 1921–1922-м, Ленин твердит: Европе нельзя следовать русскому опыту. Из фашизма Ленин извлек неожиданный урок – не учитесь у нас!

Тоталитаризм – это оборотень попыток революции породить «нового человека» и стать единоосновным человечеством. Гефтер предлагает объяснять сталинизм как тип тоталитаризма, в котором подавление реализуется самим подавляемым. Сущность советского строя и структуры сталинского режима – это импровизированная «добровольность» как техника самоутраты людей. Порог личного сопротивления сведен к минимуму. Язык превращен в суточный неиндивидуализированный «канцелярит».

По Гефтеру, признаки тоталитаризма таковы: 1. Нереализуемое человечество придает режимам, выросшим вокруг тоталитарных программ, миродержавный характер в границах страны – при ее неукротимом стремлении к экспансии под знаком античеловечества. 2. Всеохватывающее распорядительство судьбами превращает любого объекта власти в ее агента и соучастника. Не исполнителем, а лично причастным к распорядительству. Людей раскалывают по признаку соучастия в распоряжении одних другими. Общество вытесняется иерархией помыкания жизнью друг друга. 3. Мобилизация подсознания и инстинктов человека. Они политически утилизируются и вводятся в тоталитарную технику.

На этой основе Гефтер утверждает: тоталитаризм в XX веке наиболее мощный импульс получил от России. Наш тоталитаризм самый жизнеспособный. У тоталитаризма чисто русская почва миродержавия и рабства приобщенных к власти. Власть всякий раз берется за неисполнимую программу и выполняет ее ценой безмерного расточительства человеческими жизнями. Под этим углом зрения надо рассматривать ряд от Ивана IV и Петра Великого до Октября 1917 г. В октябре 1917-го идея мировой революции «застревает» на территории России. Нереализуемая, она создает аппарат, направленный на ее реализацию, втянув в себя

множество мотивов. Добровольно-принудительно люди втягиваются в исполнение неосуществимой программы.

Всякий раз ее внедрение в России требует крайней безжалостности, и вместе с тем – новой технологии вовлечения в нее самой жертвы. Таков главный результат российской тоталитарной модели. Она не может существовать, не питаясь экстремальными (объективными) или создаваемыми самой властью ситуациями. Последнее все чаще и регулярней. Впитывая в себя застрявшие экстремальные ситуации, Россия возвращает их Миру, но уже в виде ему навязанных.

Классический тоталитаризм – детище XX века. Он вобрал предшествования и реализуется в собственном генезисе явления. В игру вступает нереализуемость человечества. Люди и сообщества становятся функциональными атомами власти. Такая власть рано или поздно направляется против внешнего Мира. Тоталитаризм миродержавен по природе.

Гефтер формулирует правило советской системы: что бы в ней ни выдумали десяток членов Политбюро, оно доберется до существования любого индивида. Система присутствует в жизни от родильного дома до кладбища, ее невозможно обойти в любом акте существования. Отсюда вытекает вездесущность советской системы с перспективой ее распространения на весь мир⁴.

На основе анализа биографии и личности Н.С. Хрущева М.Я. Гефтер полагает, что тот к концу правления стал непереносим. В этом недемократическая человечность системы. Дисидентство возникло в огромной степени отсюда.

Система подбиралась к каждому человеку. Наука стала ее могучим союзником. Она может достать каждого человека на земле простым нажатием ядерной кнопки. Отсюда вытекает оригинальный образ XX века: он начался в 1905 году двумя событиями: формулой Эйнштейна ($E = mc^2$); событием 9 января. Но расстрел иконы превратил ее в революцию. Из того и другого вышло встречное движение тоталитаризма и наукокрации. Связь двух явлений загадочна. XX век кончился смертью Сахарова, рухнула Берлинская стена, американской войной в Заливе. В любом случае мы выходим на двойную связь, где проблема власти как таковой переkreцивается с властью научных открытий. Позиция Сахарова основана на бифуркационном фатализме и связи тоталитарности с патриотическим подвигом. Появлением такого мира, когда военные распоряжаются всем.

В заключение обсуждается феномен трагического на основе анализа судьбы Сахарова. Гефтер отвергает параллель между поведением Сахарова и поведением мыслителя, предлагая взамен фигуру **осознанной беспомощности**. Эта фигура базируется на сравнении поведения Сахарова с поведением Сталина. «Буду груб, – пишет Гефтер, – Сталин выравнивал людей смертями, а я ищу, как выравнивать их жизнями. И у меня возникает новое отношение к этому: раз нет выравнивания жизнями – ждите снова выравнивающего смертями!» [Гефтер 2017: 160]. Об этом свидетельствуют финальные реплики Михаила Яковлевича: «После 1945 года мы дотянули было себя до трагедии, но, освоившись, перешли к прозе жизни. Следующим за нами, может, и трагедия уже не понадобится. Они начинают свою прозу жизни, вторя в этом истории Запада. Здесь я уже не могу вести разговор в прежнем ключе – это не мой ключ...: Трагическое открыло мне вход в политику. Может, и мы дотянемся до трагедии, наконец?» [Там же: 161]. Последний вопрос обращен к нам – жителям современной России.

---

⁴ Имея в дни Карибского кризиса при Хрущёве соотношение ядерных запасов один советский к шестнадцати американским, к концу жизни Брежнева мы имели уже полный паритет в способности уничтожить человечество. Это и означает, что система добралась до каждого на планете.

Вместо выводов

Пространство возможных ответов может располагаться производно от нашего согласия (несогласия) с положениями, сформулированными Фуко: все немцы несут ответственность за нацизм, однако любое отождествление населения страны с существующим в ней политическим режимом подлежит критике. Социализм зависит от множества исторических случайностей. Поэтому проблема описания его ядовитых плодов является центральной. Нацизм – главный ядовитый плод симбиоза либерализма с социализмом. В состав предпосылок нацизма входят протекционизм, государственный социализм, плановая централизованная экономика, дирижизм. Нацизм соединил эти элементы в единое целое, привязанное к управлению экономикой. Нацизм есть продукт государства, оказавшегося в кризисе.

Нацизм – это экономический инвариант, независимый от оппозиции социализм/капитализм и конституции государства. Данный инвариант связан с бесконечным ростом государственной власти, которая разрушает ткань социальной общности и вызывает цепную циклическую реакцию предпосылок нацизма. Рост государственного аппарата эквивалентен атомной угрозе.

Пересмотр проблемы рациональности может осуществляться в таком направлении, в котором рациональность отвергает вмешательство государства в экономику и рост бюрократии. Если же события развиваются в противоположном направлении, то все недостатки и изъяны рыночной экономики следует приписывать государству. Рыночная экономика не является основанием всеобщей формализации государственной власти и организации общества. Любые формы идеологического прикрытия административного вмешательства государства в социально-экономическую жизнь надо отвергнуть.

Эти общие положения Фуко нашли подтверждение в художественных и научных трудах отечественных писателей и ученых. А.И. Солженицын показал, что советский опыт организации социально-экономической жизни может быть только отрицательным примером. Данная констатация относится и к населению Ростова-на-Дону. Пространственно-временная модификация советского страха в жизни этого города поставлена в повестку дня нашим выдающимся земляком.

М.Я. Гефтер встроил теорию тоталитаризма в состав марксовской идеи отмирания государства и собственной концепции неостановленной революции. В этих рамках поставлено множество фундаментальных проблем. Они не только не разрешены, но и не осмыслены на всем протяжении существования царской, советской и постсоветской власти. Покажу это на двух примерах.

Первый связан с объяснением причин критического отношения к идее отмирания государства. По мнению Гефтера, Сталин ухватил слабинку великой идеи, которая мотивировала Ленина на революцию. Но едва Левиафан ради будущего отмирания стал всем, Сталин остановил процесс и закрепил его в состоянии окостенелого наружного панциря по отношению ко всей жизнедеятельности страны. Поэтому Гефтер считает неразумным называть Россию государством. На мой взгляд, здесь возникает проблема разработки теории политического отчуждения в целом и применения ее к истории и современному состоянию российско-советского государства. Для этих целей я разработал концепты политического отчуждения, гражданского отчуждения и политического сопротивления. Они вполне работают при объяснении русской власти, бюрократического государства, политического режима и политической бюрократии в прошлой и современной России.

Косвенным доказательством продуктивности такого подхода является сходство между концепцией М.Я. Гефтера и разработанной мною теорией русской власти и бюрократии [Неретина 2020: 201–208], а также система возвратного тоталитаризма в России [Гудков 2022]

и результаты сравнительного анализа посткоммунистических политических режимов [Мадьяр, Мадлович 2022].

Следующим этапом может быть прописка российского/советского государства на панели альтернативных путей цивилизации [Альтернативные пути... 2000]. Сразу оговорюсь: эта возможность возникает при согласии с эвристичностью теории цивилизации, особенно с идеей особого пути России. Однако всеобщее согласие здесь невозможно в принципе, хотя поиск в этом направлении ведется давно. Замена формационного подхода цивилизационными концепциями только увеличила пространство полемики.

Второй пример: Гефтер вслед за большинством для описания Советской России использует образ Левиафана. Между тем Ф. Нойманн предложил и всесторонне обосновал применение образа Бегемота для анализа экономической теории нацизма (миф корпоративного государства) и возникающей связи между экспортом, политической автаркией, империализмом, пропагандой и насилием [Нойманн 2015: 537–541]. Эвристичность такого подхода описана самим Ф. Нойманном.

Он определил пропаганду как насилие над душами и один из аспектов насилия. У насилия и пропаганды одна цель – сделать людей подчиненными контролю сверху. Террор и пропаганда взаимосвязаны. Для обоснования такого понимания Ф. Нойманн поставил целый круг проблем: отношение между пропагандой и комплексом социально-политических условий; появление групп боевиков, реализующих партийный или государственный террор; отношение судебной власти к данным группам; способность вершины государственной власти идти на риск ради достижения демократических целей и учета сил реакции в условиях данного места и времени; использование пропагандой уязвимых мест в социальном организме; мера преобразования культуры в сумму потребительских товаров; способность и воплощение механизмов отделения истины от пропаганды; мера идеологической всеядности существующей власти; соотношение нацистской и демократической культур в повседневном поведении и отношениях между людьми; мера популярности идеологии успеха; пропорция между активностью и самостоятельной мыслью индивидов; включение спонтанных массовых действий в механизм управления государством и т. д.

В целом нацистская пропаганда – это уничтожение любых остатков спонтанности и включение населения в работу государственной машины. В соответствии с нацистским проектом, государственной машиной управляет непреодолимая сила природы, провидение, судьба, которая сильнее любого индивида, группы, государства. И эта сила ведет к окончательной победе данной страны над всеми остальными. Поэтому магия в виде политических технологий и формул образует главный предмет заботы нацистской культуры и управления миром. Если такие технологии используются, то слова автоматически меняют вещи. Аргументом таких изменений выступает множество массовых мероприятий и праздников, которые воспроизводят практики первобытных племен. Акцент на магии меняет даже язык. Существительное обладает тенденцией заменять глагол. Вещи происходят – они не сделаны. Судьба, провидение, объективные естественные силы производят победы данной страны над другими.

Обсуждение перечисленных проблем в контексте ядовитых плодов социализма, накопленных разными странами на протяжении XX века, становится неизбежным путем всего круга социальных наук.

Бушин В.С. 2018. *Неизвестный Солженицын. Гений первого плевка...* – М.: Алгоритм.

Гефтер М. 2017. *1917: неостановленная революция. Сто лет в ста фрагментах. Разговоры с Глебом Павловским.* – М.: Изд-во «Европа».

Гудков Л.Д. 2022. *Возвратный тоталитаризм. В 2-х т.* – М.: Новое литературное обозрение.

Давыдов А.П. Россия весной 2022 г.: раскол в обществе как основание социокультурного раскола. – *Электронный философский журнал.* – Выпуск 45 (июнь 2024). – С. 1–17. – Доступно: <https://vox-journal.org/html/issues/777/778.html>. – Проверено: 10.02.2025.

Мадьяр Б., Мадлович Б. 2022. *Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура.* – Том 1–2. – Пер. с англ. Ю. Игнатъевой, под ред. А. Решентникова. – М.: Новое литературное обозрение.

Макаренко В.П. 2013 (2016, 2-е изд.). *Русская власть и бюрократическое государство.* – Ростов-на-Дону. – Изд. ЮФУ.

Макаренко В.П. 2018. *Насилие и политическая бюрократия.* – Ростов-на-Дону. – Изд. ЮФУ.

Неретина С.С. 2020. Бюрократия власти и власть бюрократии: рецензия на собрание сочинений В.П. Макаренко. – *Comparative Politics Russia.* – Vol. 11. – No. 4. – P. 201–208.

Нойманн Ф.Л. 2015. *Бегемот. Структура и практика национал-социализма 1933–1944* / Ф.Л. Нойманн; Пер. с англ. В.Ю. Быстрова. – СПб.: Владимир Даль.

Сараскина Л. «Архипелаг ГУЛАГ» в школе: для кого и зачем? – Доступно: https://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/v_shkole/?ELEMENT_ID=1103. – Проверено: 10.02.2025.

Солженицын А.И. 2011. *«Архипелаг ГУЛАГ».* – Полное издание в одном томе. Под ред. Н.Д. Солженицыной. – М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА».

Фуко М. 2010. *Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году* / М. Фуко; Пер. с фр. А.В. Дьяков. – СПб.: Наука.